

Иегуда Амихай. Боги сменяются, молитвы вечно живут

(Из книги «Открыто, закрыто, открыто»)

1

Я видел на улице летним вечером,
я видел женщину, писавшую слова
на листочке бумаги, прижатом к деревянной запертой двери,
она сложила листок, всунула между дверью и косяком и ушла.

Я не видел её лица и не видел того человека,
который прочтёт записку,
и не видел тех слов.

На моём столе лежит камень, на нем выбито слово «амен»,
осколок надгробия, остаток еврейского кладбища,
разорённого тысячу лет назад в городе, где я родился.
Одно лишь слово «амен» глубоко впечатано в камень –
твёрдое слово «амен» – то есть верно – как венец всего, что было и не вернётся,
нежное слово «амен», напевное, словно в молитве,
«амен» и «амен», и еще «да свершится воля Твоя».

Крошатся камни надгробий, исчезают слова, слова забываются,
губы, шептавшие их, обратились в прах,
язык их мёртв, как и сами люди,
другие языки воскресают и начинают жить,
боги меняются в небе, боги сменяются,
но молитвы вечно живут.

2

Еврейская теология, тео, Тео, в детстве я знал мальчика,
имя которого было Теодор, как у Герцля, но мама звала его
Тео. Тео с детской площадки. Иди домой, Тео.
Не водись с плохими детьми, Тео, тео, логи, йа, Йа, Йа.

Мне нужен Бог видимый и незрячий, чтоб я мог вести Его
и рассказывать о том, чего Он не видит. И мне нужен
Бог видимый и зрячий. Я хочу видеть,
как Он прикрывает глаза, как ребёнок, играя в слепого.

Мне нужен Бог – окно, и если открою его,
увиджу небо, а сам останусь дома,
мне нужен Бог – дверь, открывающаяся только наружу,
но Бог – Он как дверь-распашонка: открывается
то внутрь, то наружу, и кружит-кружит –
без начала и без конца.

3

Я заявляю с полной верой,
что молитвы были прежде Бога.
Молитвы создали Бога,
Бог создал человека,
а человек творит молитвы,
которые создали Бога, творящего человека.

4

Бог – это ступени, ведущие вверх,
в то место, что больше не существует
или пока ещё не существует.

Эти ступени – моя вера, эти ступени – знак того, что я обманулся.

Наш праотец Яаков узнал об этом во сне.

Ангелы лишь украшали ступени той лестницы,
как игрушки – елку на Рождество.

И песнь восхождения – славословие

Богу ступеней.

5

Когда Бог покидал Землю, Он забыл Свою Тору

у евреев, и с тех пор они ищут Его и кличут
и кричат: Ты что-то забыл, Ты забыл, – громко, в голос,
а другие люди считают, что это молитва, молитва евреев.

И с тех пор евреи всё ищут в Танахе намёки
на места, где Он пребывает, как сказано: «Ищите Господа,
где Он пребывает, взывайте к Нему, когда Он близок»,
но Он – далёк.

6

Следы птичьих ног на морском берегу,
как манускрипт, написанный кем-то на память
об именах и событиях, тут и число, и место.

Птичьи ночные следы на песке
сохраняются днём тоже, только я не видел
ту птицу, что оставила их отпечаток. Так и Бог.

7

Отец наш Небесный. Что делать отцу,
чьи дети – сироты, а он по-прежнему жив? Что делать отцу,
чьи дети мертвы, и навеки он будет отцом, потерявшим детей.

Он заплачет и плакать не станет, не забудет и так же не вспомнит.

Отец наш Небесный, Царь мироздания. Что делать царю
в республике боли? Он даст людям хлеба и зрелищ, как всякий монарх.

Хлеб, чтобы помнить, и игрища, чтобы забыть.

Хлеба и горькой тоски – тоски по Богу

и лучшему миру. Отец наш Небесный, Царь наш.

8

Христианский Бог – еврей, он немного слезлив,
а мусульманский Бог – арабийский еврей из пустыни, немного охрипший,
и лишь еврейский Бог – нееврей.

Как привели Ирода-эдумейца и поставили царём над евреями,
так привели Бога из бесконечного будущего –

абстрактного Бога, не изваяние и не рисунок, не дерево и не камень.

9

Еврейский народ читает в уши Богу свитки Торы
в течение целого года, по разделу в неделю,

как Шахерезада, которая сказывала сказки, чтобы спасти себе жизнь;
и пока доходят до праздника Симхат Тора,
Он всё забывает, и можно опять начинать сначала.

10

Бог – словно экскурсовод.
Он описывает наше житьё, объясняет посетителям
и туристам и сыновьям Божьим: вот так мы живём.

11

«Нет подобного Богу нашему,
нет подобного Господу нашему» – таковы слова молитвы.
«Нет подобного Богу нашему,
нет подобного Господу нашему» – распевает мы в голос,
и никакой реакции. Мы – громче, мы поём:
«Нет подобного Богу нашему,
нет подобного Господу нашему», но Он – ни с места, Он
на нас и не смотрит. А мы – изо всех сил, со всей мольбою:
«Ты – Бог наш, Ты – Господь наш». Возможно, Он вспомнит
о нас теперь? Но Он равнодушен как прежде, хотя обращает
на нас Свой чуждый, холодный взгляд.
Мы перестали петь, мы прекратили кричать. Теперь мы шепотом напоминаем
маленькую частность: «Ты – тот, кому мы в жертву принесли
душистое куренье». Возможно, теперь Он будет помнить?
(Как тот мужчина, что напоминает женщине об их былой любви:
ну разве ты не помнишь, как мы с тобою покупали туфли
в лавчонке на углу, тогда еще шёл дождь и мы смеялись?)
И кажется, в Нём что-то пробудилось иль пробуждается, возможно, память,
но вот народ еврейский кончился уже.

12

Даже для молитвы в одиночку требуются двое:
всегда есть один, который раскачивается,
и другой, который неподвижен, и это – Бог.
Но когда мой отец молился, он стоял неподвижно,
прямо, и принудил Бога качаться,
словно тростник, и молиться моему отцу.

13

Мы молим вместе: «Дай нам мира». А как просить –
в слезах и воплях или тихо и спокойно?
Но если мы попросим тихо, Господь решит,
что не нужны нам ни мир, ни тишина.

14

Песни восхваления. Наивная доверчивость души восходит
над людьми, как тёплый пар над варевом, и в выси
становится им Богом, а иногда и прочими богами.

15

В музее. Собрание предметов ритуальных: коробочки для благовоний
с флажками, как в праздники, на башнях и шатрах и

с ароматом многих поколений и памятью о многих
исходах дня Субботы без летального исхода.

Подсвечники для Хануки – те смотрят радостно, а те – печально. Лампады
с клювами птенцов похожи на детей поющих
раскрывши рты со страстью и любовью.

И удлинённые серебряные руки – перстом водить по жизни,
что канула в небытие. Державшие их руки человека давно в земле, отделены от тела.

Пасхальные расписанные блюда, кружащиеся в вихре лет так быстро,
что кажутся недвижны. Бокалы для благословений над вином на полочках рядами,
как кубки гордые побед спортивных, как мячик в эстафете поколений.

И всюду золото злосчастья, и серебро тоски, что бередила души, и медь беззвёздной тьмы.

Собрание предметов ритуальных – игрушки
сверкающие, звонкие младенца-Бога,

полученные Им от старика-народа, диковинные инструменты
оркестра призраков – они подобны

рыбам, застывшим без движения под толщею воды веков.

Собрание предметов ритуальных от доктора Фейхтвангера, который
был стоматологом в Иерусалиме. И всякий, кто о том услышит, растянет
уста в улыбке тонкой, как тонкое искусство ювелира.

16

Бог – словно фокусник. Он начинает с фокусов
Сотворения мира, выпускает голубей из карманов,
извлекает кроликов из рукавов, надвое пилит женщину,
надвое рассекает море, творит десять казней
и десять заповедей в огне и столпах дыма,
и витает над водной гладью, и исчезает в стене.

И всякий хочет поймать Его на ошибке и обнаружить,
как это Он умудряется всё это сделать и – понарошку.

И всякий не хочет узнать и обнаружить,
как Он это делает, но хочет лишь верить.

И на всякого всякого – всякий, и все друг против друга.

17

Я верую полной верой в воскрешение мёртвых, ведь
как тот, кто хочет вернуться в любимое место, нарочно
оставляет там книгу или очки, фото или кошёлку,
чтобы был повод вернуться, так мёртвые оставили
тут жизнь и возвратятся снова.

Однажды осенью я стоял в нездешнем тумане
на заброшенном еврейском кладбище, но мёртвые не бросили его.

Садовник докой был в цветах и в смене зим и вёсен,
но вот в евреях, что в могилах, совсем
не смыслил, однако же и он сказал:

они здесь репетируют ночами, готовясь к воскрешенью.

18

Пути моей жизни путаны-перепутаны. Я – узел, который не развязать,
как тот узелок, что человек завязывает на платке, чтобы запомнить
что-то. Не знаю, что я напоминаю и кому напоминаю,
чтоб не забыл. Возможно, я должен напомнить Богу,
что нужно сделать мир получше этого. Не знаю,

я узелок на платке. Это всё, такова моя жизнь.

19

Тот, кто в детстве заворачивался в талес, никогда не забудет:
 вот, вынимаешь из мягкого бархатного мешочка и разворачиваешь
 аккуратно сложенный талес и расправляешь, целуешь вдоль верхнего края (этот край
 иногда вышивной, иногда – златотканый). Потом – широкий взмах над головой,
 будто небо, будто хула, будто парашют. Потом обернуть
 его вокруг головы, как будто играешь в прятки, потом завернуть
 в него все свое тело, плотно-плотно, и укутаться, словно куколка
 бабочки, и распахнуть, словно крылья, и лететь.
 Почему на талесе полосы, а не черно-белые клетки,
 как на шахматной доске? Потому что квадраты – бескомпромиссны,
 не оставляют надежды, а полосы – бескрайни,
 приходят из бесконечности и в бесконечность уходят,
 как взлётные полосы на аэродроме для приземления ангелов и для их взлёта.
 Тот, кто заворачивался в талес, никогда этого не забудет;
 когда он выходит из бассейна или из моря, завернувшись
 в огромное полотенце и расправив его снова
 над головой и опять обернувши тело плотно-плотно,
 он немножко дрожит, и смеётся,
 и благословляет.

20

Я человек кошерный. Я отрываю душевную жвачку
 из затворенного мрака того, что случилось, что было, –
 не забывать, не терять. Опять «обнови наши дни, как прежде»,
 еще один день без работы как прощание с праздником – пусть длится подольше.
 Тот, кто видел коров на лугу, как они лежат и жуют, отрывнув жвачку,
 на их лицах покой и блаженство, а в глазах и на языке – память
 о зеленой траве, тот, кто всё это видел, поймёт, что есть истинное наслаждение.
 И еще у меня раздвоенные – нет, не копыта, я не имею копыт,
 но моя душа расщепляется, в ней разрез, и оттого я устойчив.
 И я бью себя, будто каюсь в грехах, стуча кулаком по сердцу в Рош а-Шана,
 или будто что-то ищу, хлопая по карманам плаща, чтоб отыскать пропажу.
 Я возможно забыл, в каком каюсь грехе.
 Мне хотелось добавить к молитве «Мы виновны, мы предали...»
 новых два смысла: мы забыли, мы вспомнили – два греха, которым нет
 искупленья. Казалось бы, есть один, значит, нет другого, но это не так:
 вдвоем они только крепче. А я – человек кошерный.

21

Мысли в Пасхальный вечер. Чем отличается, – мы вопрошали, –
 чем отличается эта ночь от всех прочих ночей?
 Мы подросли, и многие больше не спросят, но есть и такие,
 что продолжают и вопрошают так целую жизнь, как если б спросили:
 который час или как здоровье, – и продолжали идти,
 не дослушав ответа. Чем отличается каждая ночь –
 как будильник – тик-так, – и под тиканье это ты засыпаешь
 и забываешь, чем отличается. Всё изменяется, и перемена есть Бог.
 Мысли в Пасхальный вечер. О четырёх сыновьях говорила Тора,
 один умён, один злодей, один прост душой и один,

не умеющий даже спросить. Но не сказано там об одном, что хорош, или об одном, что влюблён.

И это вопрос без ответа, а если и есть ответ, я не хочу его знать. Я, побывавший каждым сыном, то так, то этак жизнь проживал, и луна освещала меня без нужды, и солнце садилось, и дни Песаха многократно прошли безвозвратно. Чем отличается... А перемена есть Бог, и смерть у Него в пророках.

22

Любовь Бога к своему народу, Израилю, – это любовь наизнанку. Поначалу телесная, грубая, в сильной мышце и длани простертой, чудеса, десять казней, десять заповедей, почти анонимно, не зная даже имён. Потом всё больше с чувством, всё больше с душой, без тела, любовь без ответа и вечная тоска по Богу, которого не увидишь в небесной лазури. Любовь, что себя потеряла.

23

Все мы – дети Авраама,
но мы также внуки Тераха, отца Авраама.
И теперь, возможно, самое время поступить
с этим отцом, как когда-то он поступил со своим –
разбил его идолов, веру и мифы.
Но ведь и это станет началом новой веры.

24

Голос закрытой шкатулки – глас Божий,
голос открытой шкатулки – голос любви,
но и наоборот тоже возможно.
Приближающиеся шаги – голос любви,
удаляющиеся шаги – голос Бога,
что покинул землю без предупрежденья, временно навсегда.
Книга, оставленная на столе раскрытой, и пара очков –
это Бог, закрытая книга и зажженная лампа –
любовь. Ключ, бесшумно поворачивающийся в двери, –
это Бог, ключ, что замер на миг, не коснувшись двери, – любовь и надежда.
Но и наоборот тоже возможно.
Жертва ароматная – Богу для обоняния.
Жертва прочих ощущений – любви:
жертва осязания и поглаживания, жертва зрения и слуха,
и жертва вкуса.
Но вполне возможно и наоборот.

25

Я постигал любовь в детстве, в синагоге детства,
на женской ее половине с помощью женщин за занавеской,
затворившей маму со всеми жёнами и девицами.
Но та же перегородка, что их затворила, затворила также меня,
лишь по другую сторону. Они были свободны в своем заточенье,
я же остался пленённым со всеми мужчинами и мальчишками,

с моей любовью, мою мечтой.

Мне хотелось быть с женщинами, узнать их секреты, с ними благословлять, «что содеял меня по Своему желанию».

А перегородка, кружевная завеса, лёгкая, белая, словно летнее платье, скользила туда и обратно на кольцах – коль, коль, коль, коли остаться с любовью в комнате затворённой...

Женские лики, как лунный лик в облаках, а то – как луна в полнолуние, когда занавеска открыта, и чуден чарующий космос.

Той ночью мы вышли благословить луну, а я думал о женщинах.

26

Я постигал любовь в синагоге детства.

Я пел: приходи, Невеста, – в ночь наступленья Субботы и был женихом. Я упражнялся в мечте о приходе Мессии и твердил урок тоски о былой славе, которая не вернется.

Из глубин пел наш кантор свою любовь, а кадиш читают по неразлучным влюбленным, и птица-самец обряжается в разноцветные перья.

В шёлковое бельё одеты свитки Горы, а сверху бархатные платья с вышивкой и тонкими подплечиками.

И целовать, когда свитки проходят от святого Ковчега к амвону, и ласково гладить прошедшее, прошлое наше.

27

После Освенцима нет теологии:

из труб Ватикана поднимается белый дым, и это значит, что кардиналы выбрали Папу.

Из крематориев Освенцима поднимается черный дым, и это значит, что Бог еще не принял решения о выборе избранного народа.

После Освенцима нет теологии:

номера на руке обреченных узников – это телефонные номера Бога, номера, которые не отвечают, и их отключают, постепенно, один за другим.

После Освенцима есть новая теология:

евреи, погибшие в Холокосте, теперь стали похожи на своего Бога, у Которого нет ни образа тела, ни тела.

И у них тоже нет ни образа тела, ни тела.¹

(1990-е годы)

Перевела Зоя Копельман

Опубликовано в кн.: **Параллели**. Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. М.: Дом еврейской книги, 2015. С. 394-403.

¹ День памяти Катастрофы отмечается в Израиле 27 нисана.